

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; почётный работник ВПО РФ; член союза кинематографистов России

Ж. Л. Океанская

Доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии и литературы (ВАК РФ); профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России

Метафизика частей речи

Ещё А. С. Хомяков в «Записках о Всемирной Истории» ставит проблему метафизического соотношения глагола и существительного, а также говорит об их макроисторической «равновозрастности», позднее К. С. Аксаков набрасывает контуры метафизического учения о слове как явлении «Всего» – этому большое значение придавал А. Ф. Лосев, говоря об особой аксаковской филологии; к этой же традиции напрямую примыкают языковедческие исследования отца Павла Флоренского, раскрывая в словесной культуре «черты конкретной метафизики». Представляемые ниже интеллектуальные разработки из «Философии имени» отца Сергея Булгакова находятся на самом фарватере данной отечественной учёной традиции, к сожалению, всё ещё не достаточно воспринятой современной позитивистически обессиленной западноцентрической философией языка, за исключением, может быть, отдельных трудов Р. Генона и М. Хайдеггера, обращённых ко глубинному раскрытию этимологии.

Ключевые слова: метафизика – философское имяславие – местоимение – имя существительное – имя прилагательное – имя числительное – наречие – предлоги – союзы – синтаксис – слово и цифра.

Работая уже четверть века над имяславческим наследием отца Сергея Булгакова и в настоящее время завершив новую книгу о нём под названием «Прохождение вод», мы пришли к дальнейшему раскрытию намеченных в его наследии идей, связанных с поворотом от языка – к космосу, от линг-

вистического восприятия слова – к онтологическому пониманию его природы; определим эту область как метафизику частей речи. Интересно, что если у Лосева в качестве важнейшей части речи выступает существительное («сущность есть имя»), а у Флоренского – глагол («отглагольность языка»), то

у Булгакова это – местоимение как «одна из наиболее ранних и всеобщих форм языка» [1, с. 78]; «личные местоимения я, ты, он, она, оно, мы, вы, они... выражают именно тот молчаливый жест, который всегда присутствует в имени» [1, с. 77]; а местоимение я характеризуется Булгаковым как «воронка в глубь бытия» и «вечная неподвижная точка, в отношении которой является недоразумением спрашивать, может ли оно возникнуть или погибнуть» [1, с. 79]. «В местоимении... первого лица я имею нечто неименуемое и в то же время абсолютно указуемое», «оно есть око, через которое мы видим мир» [1, с. 80]. «Я есть ориентирующая точка бытия, мысли и слова. От я отсчитываются направления, им измеряются расстояния. Все личные местоимения суть варианты я, его зеркальные отражения: ты – это другое я, мы – многие я, он, они – суть те, которые имеют природу я» [1, с. 82]. «Местоимение есть символ усии, невыразимой глубины сверхбытия, первоипостасности... природа местоимения как слова коренным образом отличается от природы слова вообще» [1, с. 83]. Поэтому местоимение выступает здесь как абсолютный исток и основа космической речёвости – абсолютное подлежащее.

Имя существительное выступает, с одной стороны, как самопроявление сущности и «космическая потенция» [1, с. 89], однако же оно есть и «экзистенциональное суждение, в котором подлежащим является некоторая точка бытия, то, что само по себе не может выразиться в слове, но именуется, а сказуемое есть имя» [1, с. 85]; «имя есть скрыто суждение, неразвёрнутое предложение» [1, с. 89]. Поскольку, согласно Булгакову, «слова суть... звучания мира в человеке [11, с. 90], «именования... суть сказуемые, ставшие подлежащими» [1, с. 91], при этом «теряет своё значение обычное различие имён собственных и нарицательных» [1, с. 92], а мир предстаёт всецело живым как для поэта или ребёнка: «все имена суть ни собственные, ни нарицательные, но уж, если пустить это выражение, собственно-нарицательные, конкретно-всеобщие: собственными их делает связка, нарицательными – имя-смысл», хотя «энер-

гия этого самоопределения, его интенсивность, бывает различна...» [1, с. 93].

Поскольку, по Булгакову, «речь сводится к *именованию*» [1, с. 133] и «в тайне именованья... есть и тайна языка» [1, с. 111], когда «имя есть самооткровение вещи, оно принадлежит вещи, а не говорящему» [1, с. 103], а «космический коммунизм бытия» [1, с. 107] исходно предполагает «существо слова во всеобщей сказуемости» [1, с. 109], то и все части речи представляют собою развитие идеи «имени существительного» как «всеобщей формы речи и мысли»: «существует идеальная форма имени существительного, которую может облекаться всякое слово» [1, с. 117].

Имя прилагательное тогда выступает как сущностное допроявление и свечение свойства именуемой сущности; глагол – как имя действия; причастие – как имя признака сущности по её проявлениям; деепричастие – как имя синергии к логоцентрическому тренду; наречие – как проявление динамического признака сущности.

Имя числительное передаёт опыт исчислимости, однако, согласно Булгакову, в одном лице – неоплатонику и антипифагорейцу, «категория слов известного содержания, именно обозначающая число, выделена в особую часть речи по соображениям грамматически-утилитарным и довольно схоластическим, и во всяком случае самостоятельность этой грамматической категории по существу может быть оспариваема», поскольку «имена числительные... представляют собою либо имена существительные... или имена прилагательные... или же наречия» [1, с. 119 – 120].

Предлоги и союзы выступают как разнообразные энергии оформления сущностных сегментаций, а пунктуация и синтаксис предстают уже как чистый космологический дизайн и сакральное ориентирование в море сущности. Особо отметим фундаментальную данность – в языке нет ничего кроме *имени и синтаксиса*, иными словами – *сущностей* и *связей* между ними; в их равновесии реализуется классическая словесность.

Любопытна фактура древних и средневековых текстов, исключаящих синтаксис; древность и христианский мир символиче-

ски запечатлели эту сплошность, неисчерпаемое море сущности, безбрежность онтологического смысла, континуальную непрерывность содержания; классика же являет *конструктивное напряжение между содержанием и формой* (оно неустойчиво: проявления этого имеют место в барокко, сентиментализме, романтизме, символизме, где очевидна нарастающая меонизация дискурса), активизируется сегментация сущностей, интенсифицируется коммуникация меж ними; однако приходит модерн как триумф формы и чистой коммуникативности с измельчением и последующей нивелировкой сущностей... Таким образом, мы видим, что происходит трансисторическая победа синтаксиса над именем, как и цифры

(количества) над словом (качеством) [2] – однако эта победа Пиррова и бесконечное Слово когда-нибудь обязательно ниспровергнет конечную цифру.

Библиографический список:

1. Булгаков С. Н. *Философия имени*. СПб.: «Наука», 1999.
2. Катасонов В. Ю. *В начале было Слово, а в конце будет цифра*. М.: «Кислород», 2019.

©Океанский В.П., Океанская Ж.Л., 2022